

*Посвящается Хуану Карлосу Эгильору
с благодарностью за глоток воздуха,
спасший меня и Красную Шапочку,
когда мы заблудились на Манхэттене
в конце того ужасного лета*

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕЧТЫ О СВОБОДЕ

Глава первая

Кое-какие географические сведения,
а также знакомство с Сарой Аллен 11

Глава вторая

Аурелио Ронкали и «Книжное королевство».
Волшебные буквы..... 20

Глава третья

Прогулки по Манхэттену. Клубничный торт..... 42

Глава четвертая

Воспоминание о Глории Стар.
Первые деньги Сары Аллен..... 61

Глава пятая

День рождения у китайца.
Смерть дядюшки Джозефа 81

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Глава шестая

Знакомство с мисс Лунатик.
Визит комиссара О'Коннора 97

Глава седьмая

История Короля сладостей.
Терпеливый Грег Монро 115

Глава восьмая

Знакомство мисс Лунатик с Сарой Аллен 136

Глава девятая

Мадам Бартольди. Неудавшаяся съемка 149

Глава десятая

Клятва на крови.
Как добраться до острова Свободы 169

Глава одиннадцатая

Красная Шапочка в Центральном парке 186

Глава двенадцатая

Мечты Питера.
Подводный тоннель мадам Бартольди 202

Глава тринадцатая

Хеппи-энд остается открытым 227

Часть первая МЕЧТЫ О СВОБОДЕ

Бывает так, что мечты кажутся мне реальностью, а то, что происходит наяву, я как будто видела во сне... Прошлое нигде не записано и в конце концов забывается. А написанное существует вечно.

Элена Фортин «Селия в колледже»

• М А Н Х Э Т Т Е Н •

ГЛАВА
ПЕРВАЯ
КОЕ-КАКИЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ, А ТАКЖЕ
ЗНАКОМСТВО
С САРОЙ АЛМЕН

Туристическая карта Нью-Йорка выглядит очень запутанно, и ориентироваться по ней трудно. Нью-Йорк состоит из нескольких районов, каждый из которых обозначен на карте своим цветом. Самый знаменитый из них, конечно же, Манхэттен: куда до него остальным районам! Рядом с ним они съеживаются и тускнеют. На карте Нью-Йорка Манхэттен обычно закрашивают желтым. Этот район видишь буквально повсюду — на туристических картах, в фильмах, в романах. Создается впечатление, что весь Нью-Йорк — это сплошной Манхэттен, на самом же деле Манхэттен всего лишь обычный район — один из многих. Правда, район особенный.

Манхэттен представляет собой остров, напоминающий по форме окорок. В середине окорока — горка зеленого салата, которая называется Центральным парком. Это большой парк, по которому очень интересно гулять ночью, хотя время от времени нужно прятаться за деревьями, чтобы не напали воры или убийцы, которые так и рыщут повсюду. Спрячешься в деревьях, а потом осторожно выглядываешь, любуясь огоньками рекламы и небоскребов, окружающих зеленый салат со всех сторон, словно факельная процессия в честь дня рождения миллионера.

Взрослые проезжают по парку в желтых такси или больших дорогих машинах, размышляя о своих делах и нервно поглядывая на часы, чтобы не опоздать на важную встречу, и лица у них при этом нерадостные. Зловещий ночной парк очень понравился бы детям, но дети томятся в квартирах перед телевизором, где показывают разные истории про то, как опасно выходить на улицу по ночам. Дети нажимают на кнопку пульта и включают другую программу, где кто-то от кого-то убегает. Глядя на экран, они скучают и зевают.

Манхэттен — остров между двух рек. Улицы, идущие горизонтально по правую сторону от Центрального парка, ведут к реке под названием Ист-Ривер (она так называется, потому что расположена на востоке), а те, что слева, — к другой

реке — Гудзон. Снизу и сверху две реки соединяются. На Ист-Ривер несколько мостов, очень необычных и таинственных, они связывают остров с другими районами города, один из которых называется Бруклин. К нему ведет знаменитый Бруклинский мост — последний мост в южной части города. На нем полным-полно машин, он украшен множеством маленьких лампочек, похожих на праздничные гирлянды. Их зажигают, когда небо становится розоватым, а детей уже давно привезли на автобусах из школы и держат взаперти дома.

В нижней части Манхэттена, под окороком, где сливаются две реки, есть маленький островок с огромной статуей из позеленевшего металла. В поднятой руке статуя держит факел. Посмотреть на нее съезжаются туристы со всего света. Это статуя Свободы, она живет на островке, как святой в своей часовне. За день статуя так устает от назойливых взглядов, что по ночам, когда этого никто не видит, засыпает. И тогда происходят удивительные вещи.

Однако не все дети, живущие в Бруклине, спят по ночам. Некоторые из них мечтают о Манхэттене: он где-то совсем неподалеку, и в то же время это самое необычное в мире место, а их собственный район кажется им унылым захолустьем, где никогда ничего не происходит. На детей давит их дом — эта гора безликого цемента. Им снится,

как они тихонько встают, на цыпочках переходят Бруклинский мост и оказываются на острове, чьи огоньки видны издалека. Им кажется, что там люди всю ночь танцуют и веселятся в барах, увешанных зеркалами, стреляют из пистолетов и удирают на чужих машинах навстречу удивительным приключениям. Когда статуя Свободы закрывает глаза, она дает подержать свой горящий факел бру克林ским детям, которые не спят. Но об этом никто не знает, это тайна.

Ничего об этом не знала и Сара Аллен, девочка лет десяти с личиком, усыпанным веснушками. Сара жила с родителями в Бруклине, в большом некрасивом доме в квартире номер четырнадцать. Зато она знала, что как только ее родители поставят за дверь черный пакет с мусором, почистят зубы и выключат свет, все огоньки мира немедленно замелькают у нее в голове, будто фейерверк. Иногда ей даже делалось страшно, потому что казалось, что какая-то сила поднимает ее в воздух вместе с кроватью и выносит через окно на улицу, а она ничего не может сделать.

Ее отец, мистер Сэмюэл Аллен, работал водопроводчиком, а мать, миссис Вивиан Аллен, ухаживала за стариками в больнице из красного кирпича, окруженной кованой решеткой. Вернувшись домой, она тщательно мыла руки, потому

что руки у нее немножко пахли лекарствами, и шла на кухню печь торт — это было ее самым большим увлечением.

Лучше всего у нее получался клубничный торт, это было настоящее фирменное блюдо. Она говорила, что клубничный торт пекут только в самых торжественных случаях, но это была неправда, ведь вид испеченного торта доставлял ей такое удовольствие, что она то и дело пекла его, все время выискивая в календаре и в собственной памяти какую-нибудь знаменательную дату, чтобы хоть как-то оправдать свое занятие. Миссис Аллен так гордилась клубничным тортом, что никому не давала его рецепт. Когда ей все же приходилось уступать особенно настойчивым соседкам, она неверно указывала количество муки или сахара, так что торт у соседок получался сухим и подгоревшим.

— Когда я умру, — говорила миссис Аллен, лукаво подмигивая, — я укажу в завещании, где хранится настоящий рецепт, чтобы ты тоже пекла его своим детям.

«Вот еще, — думала Сара, — я не собираюсь печь своим детям клубничный торт». По правде говоря, приторный клубничный торт ей порядком надоел, потому что его приходилось есть каждое воскресенье, не считая дней рождения и праздников.

Разумеется, Сара никогда бы не призналась в этом матери. Кроме того, у нее был еще один

секрет: ей вообще не хотелось заводить детей. Сару раздражали все эти погремушки, бутылочки, слюнявчики и бантики, потому что ей хотелось стать актрисой, питаться устрицами, запивать их шампанским и покупать пальто с шиншилловым воротником, какое носила в молодости ее бабушка Ребекка, — Сара видела его на фотографии, наклеенной на первой странице семейного альбома. Это была единственная фотография, которую Сара любила. Потому что на остальных изображались какие-то унылые люди, удивительно похожие друг на друга. Эти люди сидели вокруг клетчатой скатерти, разложенной прямо в чистом поле, или за столом в гостиной, где праздновался неведомо какой праздник, и все ели торт. На столе обязательно лежали куски торта или стоял целый торт, и девочке было скучно рассматривать улыбающиеся лица, потому что они тоже напоминали торт.

Ребекка Литтл, мать миссис Аллен, несколько раз была замужем и когда-то пела в мюзик-холле. Ее сценический псевдоним был Глория Стар. Сара видела это имя на старых программках, которые показывала ей бабушка. Они хранились в обитом бархатом сундучке, запиравшемся на ключ. Но сейчас бабушка уже не носила пальто с шиншилловым воротником. Она жила одна на Манхэттене, в верхней части окурока, в скромном квартале под названием Морнингсайд. Бабушка обожала грушевый

ликер, курила табак и была немного не в себе. Старость тут ни при чем. Просто когда никому ничего не рассказываешь, память ржавеет. Глория Стар очень любила поболтать, но ей некого стало очаровывать своими бесконечными, зачастую неправдоподобными историями.

Миссис Аллен и Сара навещали бабушку каждую субботу и убирали ее квартиру, потому что сама она не любила мыть посуду и наводить порядок. Целыми днями она читала романы или играла на черном расстроенном пианино фокстроты и блюзы; ее квартира была завалена газетами, скомканной одеждой, пустыми бутылками, грязной посудой и пепельницами, которые не вытряхивались целую неделю. У нее был ленивый пушистый белый кот по имени Клауд, то есть Облако. Этот кот открывал глаза исключительно в тот момент, когда хозяйка садилась за пианино; все остальное время он сладко спал в зеленом бархатном кресле. Иногда Саре казалось, что бабушка играет на пианино только затем, чтобы кот проснулся и обратил на нее чуточку внимания.

Сама бабушка ни разу не зашла навестить их в Бруклине и никогда не звонила. Миссис Аллен жаловалась, что бабушка не хочет с ними жить. Потому что если бы она жила с ними, миссис Аллен могла бы ухаживать за ней, как за стариками в больнице, и вовремя давать ей лекарство.

— Все старики говорят, что я их ангел-хранитель. Никто не катает их инвалидное кресло так осторожно, как я. Ах, как все это грустно! — вздохнула миссис Аллен.

— Не понимаю, — перебивал ее муж. — Ты же говоришь, что очень любишь свою работу?

— Да, она мне нравится.

— Тогда что тут грустного, по-твоему?

— Мне грустно, что незнакомые больные старики любят меня больше, чем собственная мать, которой я совершенно не нужна.

— Правильно, она ведь не больна, — отвечал мистер Аллен. — И потом, она много раз тебе говорила, что ей нравится жить одной.

— Да, конечно, говорила.

— Тогда оставь ее в покое.

— Я боюсь, что ее обворуют или с ней что-нибудь произойдет. У нее может случиться сердечный приступ, или она забудет перед сном выключить газ, или упадет в коридоре... — говорила миссис Аллен, которой вечно мерещились беды.

— Да что с ней может случиться? Все будет хорошо, вот увидишь, — говорил ей муж. — Она всех нас переживет, эта ящерица.

Мистер Аллен всегда называл свою тещу «она». Он презирал ее, потому что она была певичкой в мюзик-холле, а она презирала его, потому что он был водопроводчиком. Сара знала об этих и других

семейных делах, потому что ее комната была отгорожена от родительской спальни тонкой перегородкой. Она часто засыпала поздно и иногда по ночам слышала, как они спорят.

Когда мистер Аллен повышал голос, его жена говорила:

— Потише, Сэм, Сара может услышать.

Эту фразу девочка помнила с самого раннего детства. Потому что уже в то время она любила подслушивать разговоры родителей сквозь тонкую перегородку — даже больше, чем сейчас.

Особенно если в них звучало имя мистера Аурелио. В те нескончаемые бессонные ночи она много думала о мистере Аурелио.

